



Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Дарья Доцук

Поход к двум водопадам

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Дарья Доцук

Поход к двум водопадам

Издательство «Детская литература»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Доцук Д. С.

Поход к двум водопадам / Д. С. Доцук — Издательство «Детская литература», 2017 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005693-2

Восьмой класс, в котором учится Вера Одинцова, – это почти настоящая стая, где бьешь ты или бьют тебя. Мальчишки и девочки – два соседствующих клана со своими вожаками. Вера хочет вырваться из этого омута, который затягивает и заставляет действовать по своим законам. Она прячется за музыкой и сказками, которые сочиняет. И неожиданно именно эти увлечения помогают ей изменить всё вокруг. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005693-2

© Доцук Д. С., 2017
© Издательство «Детская литература», 2017

Содержание

О Конкурсе	7
Поход к двум водопадам	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дарья Доцук

Поход к двум водопадам

© Доцук Д. С., 2017

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Клименко Н. А., иллюстрации, 2017

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2017

* * *



О Конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году были объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Поход к двум водопадам



Глава 1

Портрет Веры Варламовой



Раздался звонок – и оголодавший восьмой класс, побросав изложения Ирине Борисовне на стол, ринулся к дверям. У дверей свои правила: они выпускают строго по одному, но моих одноклассников это не останавливало, они напирали, толкались, шумели и трещали, наверстывая за перемену все то, о чем пришлось молчать на уроке.

Зяблик даже взглядом со мной не перекинулась: мы больше не дружили, вернее, это она со мной не дружила. Она теперь с Машей Русаковой и Ниной Щукиной, потому что с ними круче, чем со мной. Даже косу стала заплетать такую же, как у них, – ободком вокруг головы. Они, в общем, не возражали, чтобы Зяблик за ними бегала, в ней была своя польза: она хорошо училась, не надоедала и вела себя тихо – все-таки внучка завуча. Маленькая, юркая, с тонким голоском – вылитый зяблик.

Между Антоном и Трошей Копановым опять произошла стычка, но никто не обратил на это внимания. Привыкли.

У Антона было два несчастья: очки и астма. Троша придумал ему много прозвищ: Астмач, Туберкулез, Тубер, Дохлый... Он донимал его даже сильнее, чем Стёпкина, которого держал в роли ручной обезьянки. Но Стёпкина жалеть как-то не получалось, да он и рад был прислуживать.

Несмотря на маленький рост, Троша был коренастый и жилистый, с длинными перекачанными руками и какими-то слишком взрослыми для четырнадцатилетнего парня кулаками. Прямоугольное лицо он, как нарочно, вытягивал, придавая ему напряженное и враждебное выражение. В бледных голубых глазах всегда сквозила издевка. А на лоб свисали три светлых, каких-то детских завитка. Он их то и дело прятал под капюшон, а они все равно вылезали.

Копанов припечатал высокого Антона к доске, приставил к его горлу острый локоть и что-то угрожающе зашипел.

Изо всей школы одна Ирина Борисовна никак не могла привыкнуть к Троше. Она пристала и негромко, но с беспокойством спросила:

– Мальчики, что у вас случилось?

Трошу это всегда обезоруживало: другие учителя сразу начинали орать.

– Ничего, – буркнул он, отпустил Антона и нехотя скрылся в коридоре.

Антон поправил очки, одернул мятую клетчатую рубашку и виновато на меня посмотрел.

«Опять», – сказала я одними глазами.

Он пожал плечами: мол, ерунда, и ушел.

Мы с Ириной Борисовной переглянулись. Она опустила глаза и, как бы коря себя, качнула головой. Со вздохом собрала изложения в стопку и, выравнивая, постучала по столу.

– Садись ближе, Вер.

Я пересела, и мы достали коробочки с обедом. Мы уже привыкли обедать вместе, и я начинала забывать крикливую очередь за шоколадками в буфет и перекусы в компании Зяблика, вечно заглядывающей на Щукину с Русаковой.

Ирину Борисовну многие учителя недолюбливали, считая слишком современной. Наверное, потому, что у нее был вкус в одежде и рыжая стрижка с косой челкой. Здрово смотрится, но как-то не по-учительски. В ней не было высокомерной строгости, как, например, у нашей математички Эммы Николаевны, наоборот, она с удовольствием поболтала бы с нами о чем угодно, только нашим девчонкам это было неинтересно.

К ней относились с подозрением еще и потому, что она была не как все. В тридцать девять лет ни семьи, ни детей, из домочадцев только французский бульдог, по кличке Пуаро, переехала к нам из крупного города, а почему – неизвестно. Ну кто поедет из миллионника в такую глушь? Никто о ней толком ничего не знал – вот и додумывали всякую ерунду.

Говорили, что из института, где она преподавала литературу, ее «попросили» из-за скандала личного характера: якобы она пыталась увести из семьи какого-то профессора. А Татьяна Юрьевна, Зябликина бабушка-завуч, сочинила историю в духе Анны Карениной: мол, Ирина Борисовна сбежала из семьи к молодому любовнику, который ее, разумеется, тут же бросил, и она, не выдержав позора, спряталась в нашем городишке. Ну-ну, еще чуть-чуть – и под поезд кинется.

Я же не видела в переезде Ирины Борисовны ничего удивительного: почему бы учительнице литературы не поселиться в городе, где давным-давно жила ее любимая писательница? К тому же Ирина Борисовна много лет сотрудничала с домом-музеем Веры Варламовой и написала о ней много статей.

Если кто-то и слышал про наш город, то только благодаря Вере Варламовой. И хотя большую часть жизни она прожила в Петербурге (переводила и писала сказки, основала школу для девочек, выпускала первую газету для девиц «Серебряные чернила», была знакома с Пушкиным и Жуковским, которые хвалили ее переводы), каждое лето возвращалась домой. В ее честь наш город даже переименовали в Варламов.

Портрет Веры Варламовой висел в кабинете русского языка и литературы. У нее был крупный нос, большие скулы, грубые мужские черты. Она больше походила на угрюмого мясника, чем на детскую писательницу. Но стоило прочитать ее сказки и повести, как она сразу переставала казаться насупившейся, сердитой и недовольной, просто выглядела задумчивой и погруженной в себя. Внутри же у нее творилось гораздо больше интересного, чем снаружи.

Мое лицо тоже казалось злым, когда я глубоко задумывалась, Зяблик мне про это постоянно говорила.

Вера – самое популярное имя в нашем городе. Только в моем классе было три Веры, но мне нравилось, что меня называли в честь Веры Варламовой. Я ведь тоже писала рассказы и сказки. Правда, кроме бабушки и Ирины Борисовны, никому их не показывала.

Недавно я начала повесть о бедной девушке Маргарите, которая нанимается служанкой к богатой вдове, чтобы спасти от нищеты свою семью. А вдова оказалась ведьмой.

За обедом мы с Ириной Борисовной как раз обсуждали первую главу. Она показала мне свои пометки: кое-где проскакивали повторы, некоторые предложения были тяжеловаты, и смысл терялся под завалом слов. Такие вещи Ирина Борисовна видела сразу, как будто они были выделены маркером.

Мы стали разбивать длинные предложения на короткие, убирать лишние слова, думать, как сказать по-другому, по-новому. Ирина Борисовна могла бы сама написать не одну книгу, но ей больше нравилось редактировать. При доме-музее Веры Варламовой она этим и занималась – редактировала журнал «Серебряные чернила». В библиотеке я перечитала все выпуски, там печатали действительно хорошие рассказы настоящих писателей, и я втайне мечтала, что когда-нибудь тоже окажусь на этих страницах.

– Вот видишь, уже есть крепкие, уверенные фразы!

Я уловила, что сейчас будет какое-то «но», и заранее расстроилась. Наверное, что-то было не так с сюжетом (если уж совсем честно, история Маргариты сильно напоминала рассказ «Ведьма» Варламовой).

Ирина Борисовна все прочитала по глазам, чуть склонила голову набок и ободряюще улыбнулась:

– Вер, это совершенно естественно – следовать за теми, кто тебя вдохновляет. Я сама в школе и в институте только и делала, что писала продолжения повестей Варламовой. Это, кстати, отличное упражнение, чтобы набить руку! А еще можно взять известный сюжет и переиначить на свой лад.

Я кивнула, не поднимая глаз:

– Да, понятно, я перепишу.

– Давай попробуем вместе? Смотри: а что, если главной героиней сделать не бедную девушку, а саму ведьму? Как ведьма себя поведет?

Я сразу загорелась этой историей.

– Ну если она может украсть чужую красоту, то и другие качества захочет присвоить. Она может у всех в городке украсть какое-нибудь умение, а потом ей придется с этим разбираться!

– Видишь, уже интереснее! – похвалила Ирина Борисовна.

И мы, как это часто бывало, стали сочинять новую историю.

Посмеявшись над приключениями горе-ведьмы, я стала собираться.

С минуту Ирина Борисовна внимательно меня изучала, а потом предложила:

– Вер, а не хочешь написать что-нибудь о себе? О том, что тебя волнует, расстраивает, что бы ты хотела изменить. Можно в сказочной форме, даже лучше: многие проблемы выходят острее и ярче.

Я задумалась, но только для вида: не хватало еще сказки писать о своих проблемах! Кому интересно читать про моих одноклассников, про то, что Зяблик теперь меня в упор не видит? А Троша вообще не для печати. О нем даже сказать было стыдно, не то что писать. Если ему не удавалось потрогать девочку за коленку или сзади, значит, день прошел зря. А если прикрикнуть, чтобы не трогал, он устроит тебе неделю унижений: «Да кому ты нужна, овца тупорылая?» У него много любимых выражений: «Чо лыбишься, выдра лупоглазая?», «уродка с бородкой» и коронное – «тупица тупая». Хорошая выйдет сказка!

Слава богу, остальные мальчики себя так не вели, но все равно от них было мало толку: никто не рисковал поставить Трошу на место, они только смеялись над его выходками. Боялись, как бы им тоже не досталось.

– Я думала, сказки затем и пишут, чтобы забыть о проблемах, – заметила я.

– Правильно. Потому что сказка – это способ изменить мир к лучшему, добавить ему добра и справедливости. В той же «Ведьме» отшельница с помощью отражения в волшебном озере показывает людям свое истинное, красивое лицо. Для Варламовой сказки то самое волшебное озеро, способ показать людям себя настоящую.

Я невольно глянула на суровый портрет Варламовой. Ее и в самом деле будто заколдовали, отобрали красоту, но мысль о том, что ей удалось отыскать свое волшебное озеро, успокаивала.

– Хорошо, я попробую написать что-нибудь о себе.

– Молодец! Кстати, у тебя в четверг сколько уроков? У меня на седьмом одиннадцатый класс, начинаем Цветаеву. Приходи!

– Приду! У меня как раз перед репетицией «окно».

Глава 2

Сражение

Окна автобуса запотели от холода, но даже если растопить пальцем смотровое пятнышко, город в такую метель не видно. Февральская грязь брызгала из-под колес, Варламов казался пустым и заброшенным. Да так оно и было: в конце осени туристы забывали о нем до Майских праздников.

Я думала об Ирине Борисовне и ее задании.

Она мне не сразу понравилась. На первом занятии новая литераторша показалась несерьезной и чересчур веселой, полной противоположностью Людмилы Игоревны, нашей прежней учительницы, которая вышла на пенсию и переехала к дочери в большой город.

С Людмилой Игоревной мы привыкли работать с учебником, а не «придумывать за автора». Ирина Борисовна всегда просила «своими словами» и уточняла: «Что ты об этом думаешь, что тебе понравилось, интересно было читать или скучно?» Многих это ставило в тупик. Разве скажешь учителю «скучно» про «Капитанскую дочку»? Но Ирина Борисовна не видела ничего катастрофического в том, что «Капитанская дочка» может не понравиться, ведь не могут всем людям на свете нравиться одни и те же книги. Иначе не было бы столько книг. Людмила Игоревна наверняка нажаловалась бы на нее завучу.

Ирина Борисовна давала нам такие темы сочинений, что у Людмилы Игоревны случился бы нервный срыв. Например, «Ты становишься получеловеком-полужверем». Я бы хотела получить способности дельфина – слышать под водой и быстро преодолевать большие расстояния. Наверное, я была бы добрее, ведь дельфины спасают утопающих. Этим я бы и занялась – переехала к океану и стала спасателем. А по ночам доставала бы со дна сокровища затонувших кораблей и открывала бы свой музей.

Воображать все это было интересно и, наверное, именно поэтому казалось чем-то неправильным, неподходящим для урока.

Или такое задание: «Напиши себе письмо от лица любого литературного персонажа». Я полюбила переписываться с Велианной, осиротевшей девочкой из повести Варламовой. Королевство, где живет Велианна, разрушено войной и голодом, ее деревня сгорела, никого не осталось, и девочку подбирает странствующий волшебник. Он считает, что, после того что учинили люди, спасти их страну может только магия. Из того страшного и волшебного мира и писала мне Велианна, рассказывая о своих успехах в магии, об осажденных городах и отвоеванных у разрухи и голода землях.

Иногда такие сочинения вырастали до рассказов, и мы с Ириной Борисовной обсуждали и редактировали их на большой перемене. В такие моменты я чувствовала себя такой же, как Велианна, ученицей волшебника.

Появление рассказа всегда казалось мне своего рода магией: из ничего вдруг появилось что-то. Но Ирина Борисовна говорила, что это не так уж и трудно, – надо только много читать, много писать и каждый день тренировать воображение. «Однажды воображение будет все делать за тебя, останется только за ним записывать». Это напоминало игру на пианино: занимаешься, занимаешься, а когда уже нет сил, пальцы начинают бегать по клавишам сами собой.

Этот урок вне расписания был моим любимым. Иногда ради рассказа или сочинения я недоделывала математику или недочитывала заданную главу по истории. И, честно говоря, мне не было стыдно.

Обычно в автобусе хорошо придумывалось. За четыре остановки от школы до дома я успевала сочинить памятку для школьников с другой планеты и ответить на самые разные «а если бы...». Но сегодняшнее задание никак не давалось. Воображение было серое и потухшее,

как будто у него кончилась зарядка. Оно в общем-то и не нужно, чтобы написать о себе. Только вот что писать-то?

Со мной не происходило ничего, о чем стоило бы рассказать, а о некоторых вещах даже заикаться было неприлично. Многое мне хотелось закопать поглубже и уйти, не оставив опознавательных знаков.

Вспомнилась недавняя контрольная по алгебре. Когда я вошла в кабинет, Эммы Николаевны еще не было, а Троша, как всегда, затевал соревнование по армрестлингу. Ущипнуть девочку, оскорбить одноклассника и армрестлинг – вот полный список Трошиных увлечений.

– Эй, Туберкулез, давай сразимся!

Антон, в этот момент повторявший формулы перед тестом, даже не поднял головы от учебника: он научился до последнего игнорировать Трошу. Остальные мальчишки с нетерпением ждали, кому же сегодня выпадет роль проигравшего (победить Трошу, с его-то кулаками, еще никому не удавалось). Это была типичная мальчишеская игра. Девочки болтали о чем-то своем и не обращали внимания на другую половину класса.

Я попыталась тихонько проскользнуть мимо, но Троша среагировал на движение и, как змея, в один бросок преградил мне дорогу.

– Привет, Вер, как поживаешь?

– Нормально. Можно пройти?

– Конечно! Проходи, пожалуйста. На урок торопишься, да? Давай скорей, скорей!

Дима и Костя загоготали. Троша с поклоном уступил мне дорогу. Я знала, что он задумал, но не смогла бы предотвратить этого, даже если бы пустилась бегом. Он шлепнул меня по бедру. Раздалось несколько смешков. Я обернулась и увидела его самодовольную рожу: тонкие злые губы сложились в трубочку и выпустили звонкий поцелуй.

Я устремилась на свое место. Зяблик даже не оторвалась от телефона, когда я села рядом. Сделала вид, что отныне я для нее не заметнее тени от парты. Впереди, тоже уткнувшись в телефоны, сидели Русакова и Шукина.

– Тубер сегодня какой-то коматозный, пускай отдыхает, – смилостивился Троша. – О-о, Диман, давай ты!

– Не, – виновато отозвался Дима и потер запястье, – я вчера руку вывихнул.

– Что ж ты такое делал? – заржал Троша.

Дима хмыкнул и отвернулся.

– Ладно, мужики, давайте, кто смелый?

Смелых не нашлось. Только неуверенные улыбки, переглядывания, ужимки. Что мешало им просто отказаться, их же было семеро?!

– Давай со мной! – выступил вперед крошечный, похожий на суслика, но слепо преданный Троше Стёпкин. Наверное, считал, что они были друзьями.

Троша снисходительно ухмыльнулся:

– Ну давай! Что ставишь?

– Ну... презентацию по истории, – с надеждой предложил Стёпкин.

– Мелковато. Скачать я и сам могу.

Стёпкин порылся в карманах, вытащил полпачки жвачки.

– Хорошо, что не «чупа-чупс», – прокомментировал Троша.

Мальчишки зашлись от хохота. Бедный Стёпкин тоже весело рассмеялся своему невеликому богатству.

– Эх, несерьезные вы люди! – посетовал Троша, но, за неимением лучшего предложения, согласился на презентацию и жвачку.

Жестом он подозвал Стёпкина к парте, и они схватились: мускулистая, словно пришитая к телу мальчишки, взрослая рука Троши и бледная, тонкая, как соломинка, ручонка Стёпкина. Все решилось за пару секунд.

Парни поздравляли Трошу, который сжевал сразу всю выигранную жвачку, а Стёпкин отчего-то счастливо улыбался, хотя его макушка покрылась стыдливым румянцем и предательски просвечивала сквозь белесые волосы.

– Доброе утро, – мрачно оповестила класс Эмма Николаевна и встряхнула мокрый от снега зонтик.

Только на ее уроках вместо приветствия было принято вставать и молча провожать ее взглядом до учительского стола.

Сухопарая, в темно-коричневом костюме, она скривилась при виде Троши.

– Здравствуйте, Эмма Николаевна! Как ваши дела? Замерзли, да? – заботливо поинтересовался Троша, нарушая традицию.

– Садись, Копанов. Начинаем тестирование.

– А я готовился, представляете? всю ночь учил!

Столь явную ложь Эмма Николаевна проигнорировала и велела Вере Водопьяновой раздавать тестовые задания.



Троша плюхнулся за парту позади меня и противно погладил по лопатке. Я дернула плечом.

– Вер, поможешь?

– Ты же готовился.

Он самодовольно хихикнул.

– Ну, поможешь, да? Эй! – В голосе появилась угроза. – Чо ты, перенапряжешься, что ли?

– Только если одинаковый вариант попадетсЯ.

Такая отговорка на Трошу не подействовала. Вероятность была катастрофически мала: у Эммы Николаевны все просчитано.

– Ну мне же всего на тро-о-ойку на-а-до! – протянул он так, словно я отказывала ему в глотке воды.

Я молчала. Он потыкал меня пальцем. И еще раз, больнее.

– Ну Вер, ты чо, как эта?!

– Ладно, если успею, – бросила я, лишь бы не трогал.

На тройку нужна всего половина заданий – не такая уж огромная цена за несколько дней спокойствия.

– Спасибо! Ты самая умная и красивая в этом дебильном классе. Серьезно тебе говорю, не веришь?

Зяблик издевательски усмехнулась. В математике она разбиралась лучше меня, лучше всех в классе, но к ней Троша не обращался, потому что на прошлой неделе она не дала ему списать химию.

– Чо ты лыбишься, дебилка? Заткнись и смотри в тетрадку!

– Копанов!

– Извините, Эмма Николаевна, просто тут Зяблик на Одинцову чо-то наезжает. Вообще непонятно!

– Что?! – возмутилась Зяблик.

– «Штё-о-о»?! – передразнил Троша.

Не было нужды смотреть на него, чтобы представить, как противно вытягивается и кривится его лицо, – это выражение мы видели тысячу раз.

Обернулась Русакова. Она могла бы сделать Троше втык: в классе они были на равных, но предпочитала с Трошей не ссориться. Они перешучивались и воспринимали друг друга, как вожди соседствующих племен. Но сейчас Русакова должна была заступиться за Зяблика, чтобы обеспечить себе и Шукиной правильные ответы к тесту.

– Трошик, ш-ш-ш... – ласково попросила Русакова и кокетливо улыбнулась.

– Но если она...

– Тишина! – Эмма Николаевна оглушительно припечатала ладонь к столу. Удар был такой силы, что я вздрогнула, а она так и сидела с каменным выражением лица. Неужели ей не больно? – Если я не ошибаюсь, мы сюда приходим, чтобы заниматься математикой. Так что, будьте любезны, все свои личные дела оставляйте за дверью: мне они абсолютно неинтересны.

Автобус, поплутав среди метели, наконец нашел остановку и распахнул двери. Пассажиры обреченно двинулись в молочно-серую мглу. Мне навстречу по улице Марины Цветаевой бежала, хохоча, колючая вьюга.

Глава 3

Сквозняк и пианино

Бабушка встретила меня традиционно:

– Сразу тапочки надевай! Такой холод!

«Такой холод» был в доме всегда, и зимой и летом. Строго-настрога воспрещалось ходить без тапочек и открывать больше одного окна одновременно: бабушка ужасно боялась сквозняков. В детстве сквозняки представлялись мне невидимыми вредителями, которые прокрадывались в дом с одним-единственным желанием – кого-нибудь простудить. Кроме того, считалось, что они могут повредить «Элегию», наше старое пианино.

Бабушка была маленькая и полная, всегда в одном и том же домашнем халате. Он выцвел и покрылся катышками, но бабушке нравился. Убедившись, что я переобулась, она заскользила обратно в кухню и исчезла в душном запахе горохового супа, который застаивался в квартире, потому что из-за сквозняков бабушка редко проветривала.

Я заглянула к дедушке. Он сидел на диване, вытянув худые, распухшие от артрита ноги, и раскладывал пасьянс. За подлокотник цеплялась клювом его деревянная палочка. Дедушка был лысый, с белыми усами и аккуратной сединой по подбородку. Казалось, он предпочитал проводить время наедине с собой, смотреть спортивные передачи, перечитывать Достоевского. Но как же дед радовался, когда звонили старые знакомые или я заходила сыграть в шахматы или карты!

Я жила у них по будням, а на выходные меня забирали родители. Во всяком случае, старались забирать. Они работали в большом городе и жили не близко, на полпути между работой и Варламовом. Мама с папой нигде бы со мной не успевали, а у бабушки на меня были большие планы: музыкальная школа, кружки, походы в театр... Вот она и забрала меня к себе еще в первом классе.

А десять месяцев назад у меня родился брат Петя, и им стало совсем не до меня, так что и выходные я теперь проводила с бабушкой и дедом.

Петя и мама были неразлучны, он рос на ней, как яблоко на ветке. Мама постоянно на него отвлекалась и не запоминала ничего из того, что я ей говорила. Она и с папой вела себя точно так же, теперь они переговаривались в основном через Петю:

– Ну не плачь, Петенька, сейчас папа принесет тебе погремушку.

– Петя, спроси-ка у мамы, где папин синий галстук?

– Мы кушаем, нам некогда искать папин галстук. Пусть папа сам поищет, правда?

Вот такие разговоры. Так что про маму, папу и Петю тоже особо нечего написать. Они жили где-то там, сами по себе. Специально для Пети сделали в квартире красивый ремонт и светло-голубые стены. У родителей до сих пор приятно пахло новизной и деревом.

Перед ужином я успела немного поиграть. Черное пианино «Элегия» делило большую комнату с книжными шкапами. Одну полку занимало собрание сочинений Варламовой. В нашем городе в каждой семье была такая полка.

Я села за пианино и наиграла, что пришло в голову, в ре-миноре, моей любимой тональности. Пальцы сами нащупывали ее, словно других не существовало.

Музыкальная школа мне не нравилась, потому что приходилось играть чужие произведения. Ввели бы лучше уроки музыкального творчества. Но на композиторов учат только в консерватории, а до консерватории я бы недотянула.

Учительница сольфеджио иногда задавала сочинить пьеску, но гораздо чаще мы писали скучные диктанты. Если мне случалось что-то забыть или перепутать, она называла меня «бабой Верой». Почему-то изо всей группы только меня одну, так что я была рада, когда нам раздали аттестаты и отпустили на все четыре стороны. За полгода после выпуска я не сыграла

по нотам ничего, только то, что сочиняла сама. Бабушку это расстраивало: она-то мечтала, что я буду вечерами играть Чайковского и петь романсы.

Недавно я взяла с полки Марину Цветаеву (мне стало интересно: все-таки наша улица названа в ее честь), открыла книгу на середине и услышала мелодию на фоне строк. Стихи не читались, а напевались, и я тут же села подбирать музыку.

Бабушка хвалила и удивлялась: «Это ты сама сочинила?» Я ответила, что сама, но в глубине души не была в этом до конца уверена. Казалось, кто-то спрятал звуки внутри стихотворения, а я лишь открыла его, как музыкальную шкатулку.

Может, это и было вдохновение. Оно казалось чем-то извне, какой-то искрой, случайно залетевшей в ухо. Но Ирина Борисовна говорила, что ничего случайного не бывает, и таблица элементов не могла присниться никому, кроме Менделеева, потому что именно он подготовил для нее наилучшую почву. Так что, наверное, вдохновение похоже на сквозняк – нужно открыть окно, чтобы тебя продуло.

Я наигрывала мелодию и рассказывала самой себе историю про пианино, по имени Элегия, которое мечтало сочинять музыку и страшно завидовало своему хозяину-композитору. Каждый день Элегия мучила его расспросами: как он придумывает мелодии, в чем его секрет? Композитор честно отвечал, что не знает, но Элегия ему не верила и считала, что композитору жалко поделиться с ней своим мастерством. В отместку она защемляла ему пальцы, фальшивила или делала так, что в самый ответственный момент западали клавиши. Однажды терпение композитора лопнуло, и он продал пианино соседскому мальчишке, который барабанил по клавишам так, что Элегия ужасно расстроилась и ни одному настройщику больше не удалось ей помочь.

В прихожей на столике зазвонил телефон, оборвав мои мысли. Бабушка поспешно схватила трубку:

– Алло! Алло!

Она всегда говорила «алло» два раза, как будто первое «алло» неминуемо улетало в какую-то телефонную пучину и ему никогда не достигнуть уха собеседника.

– А-а, привет! Хорошо. Верочка? Дома, да. Музицирует... – Бабушке так нравилось это слово, что она старалась произносить его как можно чаще. – Понятно... Ну ладно... Как Петенька? Вот молодец!

Что он сделал на этот раз? Перевернулся на живот? Или зуб отрастил? Впрочем, меня это не очень-то волновало.

Бабушка положила трубку и сказала нарочито весело:

– Так, где-то у меня были прянички!

Ясно, значит, мама звонила предупредить, что на выходные я опять останусь здесь.

В таких случаях бабушка быстро придумывала для меня «утешительный приз»: например, вместо горохового супа заказывала к ужину пиццу, нашу с бабушкой любимую, с грибами и ветчиной. Или доставала конфеты с пряниками.

Бабушка боялась, что меня травмирует отсутствие общения с родителями. Так и говорила нашей участковой врачихе (несмотря на бабушкину неустанную борьбу со сквозняками, я все-таки иногда простужалась): «У Верочки иммунитет слабенький. Мама с папой у нас занятые, редко мы с ними видимся. Я все переживаю, как бы это ее не травмировало».

«Но ведь бабушка сама меня у них забрала», – думала я. С другой стороны, они и не возражали, вот Петю родили. Может, еще и собаку заведут.

Участковая выписывала на кухне справку и советовала попить витамины. Витамины, наверное, и правда помогали, потому что я почти не обижалась на родителей. В этом я была похожа на бабушку: позвонят – хорошо, а нет – мне и одной нормально. Только бы они приходили в школу почаще, а не то там могли подумать, что я родителям вообще не нужна. На всех собраниях сидела бабушка, а мама с папой появлялись раз в год, в мае. Ольга Михайловна,

наша классная, разговаривала с ними нехотя и свысока, каким-то обвинительным тоном. Но ведь они все-таки пришли – неужели нельзя повежливее? Мама робела, сутулилась, и мне хотелось увести ее подальше от О. М., например в буфет, и напоить чаем с булочкой.

Глава 4

Марина Ц.

В четверг на урок литературы к одиннадцатому классу я немного опоздала. О. М. задержала нас на биологии – показывала фильм о подростковой беременности. Лучше бы дала в качестве домашнего задания, для самостоятельного просмотра. В нашем классе такое было совершенно невозможно смотреть: мальчишки ржали, Троша комментировал гонку сперматозоидов, девочки морщились и брезгливо отворачивались. О. М. без конца шикала на мальчишек и говорила особо впечатлительным девочкам, что в естественных биологических процессах нет ничего противного. Но все без толку.

Порой мне казалось, что я единственный взрослый человек в этом детском саду. Особенно после того, как О. М. решила «для ясности» назвать сперматозоиды «живчиками».

А потом Русакова спросила: правда ли, что нельзя забеременеть во время месячных? О. М. сказала, что неправда, и велела Русаковой остаться после урока. Троша поинтересовался, можно ли ему тоже остаться, но О. М. ответила, что эта беседа только для девочек.

– Как же они без живчиков? – притворно испугался Троша.

Я с трудом выдержала до звонка. Ну почему я не в одиннадцатом?

Наконец О. М. нас выпустила, и я рванула к Ирине Борисовне.

Одиннадцатый на секунду отвлекся и сразу же вернулся к распечаткам стихов.

Сережа Фененко подмигнул мне обоими глазами. Из всех, кого я знала, он один так забавно здоровался, и это простое приветствие проникало куда-то внутрь, как ветер в бухту, и поднимало волны.

Я прокралась за последнюю парту, стараясь не мешать. Заботливые старшеклассники тут же передали мне распечатку – привыкли, что я хожу к ним на уроки. С ними можно было не опасаться смешков, гримас и оскорблений, а спокойно слушать и обсуждать действительно интересные вещи.

У доски Лена Владимировна громко и с выражением читала:

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.

Все замерли, слушая, как кабинет переполняется звонким Лениным голосом. Листок вздрагивал в ее руке, но слова не дрожали ничуть.

С Леной мы вместе ходили в школьный драмкружок и сейчас репетировали «Кентервильское привидение». Лена играла миссис Отис, я – Вирджинию, а Сереже Фененко достались две роли – лорда Кентервиля, нынешнего владельца замка, и, конечно, Кентервильского привидения.

Когда Лена закончила, у доски ее сменила Ира Польшина и стала бормотать биографию Марины Цветаевой. До меня доносились отдельные фразы, которые Ира по случайности произносила чуть громче: «воспитывалась отцом», «училась в Париже», «первый сборник»... Росла горстка безжизненных фактов, похожая на сушеную зелень, глядя на которую можно лишь догадываться, как выглядит настоящая. Ира читала таким скучным голосом, но класс, вместо того чтобы заняться своими делами, погрузился в цепкую тишину. А я смотрела на взерошенный затылок Сережи Фененко.

«Я выйду замуж за того, кто угадает, какой мой любимый камень!» – решила когда-то Марина Ц. на отдыхе в Коктебеле. И вскоре молодой поэт Сергей Эфрон подарил ей сердоликовую бусину. Вернувшись в Москву, они тут же обвенчались.

«Сегодня репетиция!» – радостно подумала я, и наша с Сережей история тут же выстроилась у меня в голове. Встречались в школе, играли в одном спектакле, потом он поступил на актерское, уехал в большой город, она (то есть я) присоединилась позже. Вместе вернулись в родной городок, обосновались в уютном маленьком театре, она писала пьесы, он играл главные роли...

Ира закончила и с облегчением пошла на место, вытирая о юбку взмокшие от волнения ладони.

Ирина Борисовна предложила перейти к обсуждению стихов и попросила меня прочитать «Идешь, на меня похожий...», мое любимое.

Все обернулись. Я нерешительно поднялась. Лена поддержала меня улыбкой, Сережа снова подмигнул обоими глазами: мол, не бойся, все получится! Это меня всегда подбадривало, я даже забывала, что вообще-то боюсь публики. Тут главное – начать, произнести первую строчку – и страхи сами куда-то улечиваются. Я представила, что, кроме Сережи, в классе никого не было, и начала. Сразу появилось это приятное ощущение, как будто ты немножко не в себе – уходишь в слова, в ритм, в какую-то призрачную реальность, куда попадают все актеры, писатели и музыканты.

Но слова кончились, дымка рассеялась, и я вернулась на урок. В классе уже вовсю обсуждали стихотворение.

Громче всех была Вера Смолиговец.

– Почему ее всегда так интересовала тема смерти? Тут она просто примеряет ее на себя, как какую-то одежду в магазине!

Я посмотрела на Сережу. Он кивнул мне одобрительно и присоединился к обсуждению. Я никогда не осмеливалась смотреть на него дольше нескольких секунд, и, почувствовав, что время истекло, отвела глаза.

Глава 5

В Кентервильском замке

После урока Сережа, я, Лена и Валя Дорофеева, которая играла экономку миссис Амни, заторопились на репетицию в кабинет географии. Ни своей аудитории, ни своего времени у драмкружка не было – занимались после уроков два раза в неделю там, где оказывалось свободно. Да и Вера Михайловна, которая вела кружок, была учительницей английского, а не приглашенным режиссером. Вот и выходило, что мои любимые уроки – театр и творчество – за настоящие уроки не считались.

Договариваться о том, чтобы нам выделили актовый зал, было долго и трудно. В администрации почему-то предпочитали держать его на замке и открывать только по особым случаям, вроде первого сентября или новогоднего концерта. Как ни старалась Вера Михайловна, заполучить ключи ей удавалось только для генеральной репетиции.

В кабинете нас уже дожидались Ярик (мистер Отис), Денис (Вашингтон) и удивительно похожие друг на друга Наташа и Софа (для роли близнецов они переоденутся мальчишками).

Недоставало только герцога Чеширского, жениха Вирджинии. Актеров не хватало, всем, кого мы ни спрашивали, неохота было репетировать после уроков, пусть даже по сценарию от герцога требовалось высказаться всего пару раз.

Я уговаривала Антона – с его ростом и заостренным лицом только герцогов и играть, – но он не соглашался: мол, времени нет. Но я знала, что на самом деле из-за астмы. Он ее очень стеснялся. От волнения приступ мог начаться прямо возле доски. Антон держался, продолжал выдавливать из себя слова, шумно захватывая воздух, и лишь когда дыхание переходило в один сплошной хрип, отворачивался и вынимал ингалятор как нечто постыдное.

Копанова это зрелище неизменно приводило в восторг. Он толкал локтем Костю или Стёпкина: «Смотри, смотри, у Дохлого припадок!» Троша наблюдал за Антоном, как в цирке, с пугающим блеском в глазах.

А может, Антон отказался по другой причине. Хотя вроде бы мы с ним дружили, но не вслух, а как-то мысленно, про себя. Или это мне только казалось?

В общем, герцога пришлось вычеркнуть из пьесы и я, то есть Вирджиния, осталась без жениха.

Едва переступив порог, Сережа изменился, словно оказался в свете прожектора на сцене, и тут же нашел применение огромной, во всю доску, карте мира:

– «А вот и знаменитый гобелен замка Кентервиль, сотканный вручную моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтонской. Однажды, одеваясь к обеду, она вдруг почувствовала у себя на плечах костлявые руки и настолько испугалась, что с ней сделался нервный припадок. Не могу утаить от вас, мистер Отис, что привидение являлось и другим членам моей семьи...»

Мы репетировали «Привидение» всего второй раз, но Сережа уже знал свой текст наизусть.

Упитанный светлоголовый Ярик пробежался глазами по сценарию и, тоже войдя в роль, деловито сложил руки за спиной и прогулялся к доске. Придирчиво оглядев «гобелен», он сказал:

– «Милорд! Беру ваше привидение в придачу к обстановке».

В кабинет тихонько, словно опоздавшая ученица, проскользнула Вера Михайловна. У нее были пышные кудри темно-вишневого цвета и все еще тонкая фигура, хотя беременность уже стала заметной. Она ласковым шепотом поздоровалась, юркнула за первую парту и превратилась в слух. А я с сожалением подумала, что скоро она уйдет в декрет и больше не будет драмкружка.

Перешли к сцене с кровавым пятном на полу.

Совсем нестрашным, детским голосом Валя воскликнула:

– «Здесь пролита кровь!»

Валя была маленького роста, с чуть оттопыренными ушами, и выражением лица напоминала удивленную добродушную обезьянку. Конечно, ей нисколько не подходила роль чопорной и суеверной экономки, к тому же Валя плохо запоминала текст, но ей ужасно нравилось играть.

– «Сцену освещает вспышка молнии, раздается удар грома», – прочитала Вера Михайловна.

– Ба-бах! – прогрехотали Сережа и Ярик.

Валя аккуратно присела в обморок.

– Вот! Уже намного лучше! – похвалила ее Вера Михайловна. – Только падай увереннее!

На сцене будет мягкое кресло – не ударишься.

Валя счастливо закивала.

Хотелось, чтобы репетиция никогда не заканчивалась, тянулась до тех пор, пока ночной сторож дядя Вадим, худощавый великан с седыми висками и медленной королевской походкой, не придет и не встанет в дверном проеме, намекая, что пора закругляться.

А вот моя любимая сцена: Сережа в роли призрака Кентервильского бродит по комнате и ностальгирует о своих триумфальных явлениях членам семьи в роли Графа без Головы и Монаха-вампира. Только на репетициях можно не таясь наблюдать за Сережей сколько угодно.

Все замирали, когда Сережа с глубоким тихим отчаянием и бездонными паузами произносил свои реплики: «Я не сплю триста лет... Целых триста лет!.. Я очень устал!»

Когда он говорил о Саде Смерти, то смотрел перед собой так, словно видел это таинственное место наяву. Он уводил, затягивал в свой призрачный мир, и все кругом наполнялось задумчивой тоской, чудились приятные запахи пыли, дождя и мокрых каменных стен замка. Казалось, если распахнуть сейчас дверь кабинета, вместо коридора с коричневым линолеумом за ней обнаружится холодная вересковая пустошь.

Как же не хотелось возвращаться назад, в кабинет географии! Но еще страшнее было думать о том, что это наш последний спектакль. Вера Михайловна уйдет, кружка не будет, а Сережа после выпуска уедет.

Глава 6

Записка

В понедельник мне не повезло: на литературе ко мне подсел Троша. Даже не потому, что собирался списывать или просто донимать, а потому, что любил перемещаться по классу. Так он держал нас в напряжении. Кроме неприкосновенных Русаковой и Щукиной, никто не чувствовал себя в безопасности, зная, что Троша в любой момент может расположиться по соседству. Порой он долго прогуливался между рядами, выбирая жертву. Конечно, девочки старались садиться парами, но Трошу это не волновало. Он вежливо просил уступить ему место, и все знали, что, если не уступят, превратятся в «тупорылую овцу».

В первом классе нас однажды посадили вместе, правда, тогда Троша еще не научился списывать и в одиночку доводить целый класс. На диктанте я случайно заглянула в его тетрадь: кривыми страшными буквами он старательно выводил слово «ЧЕСЫ».

Я вся сжалась от ужаса, но подсказывать побоялась: учительница внимательно за нами следила.

Вскоре ей понадобилось выйти, и я все-таки решилась, обрадовалась, что уберегу соседа по парте от неминуемой двойки. И быстро зашептала Троше в самое ухо: «„Часы“ через „а“, проверочное слово „час“!»

Троша посмотрел на меня с возмущением и взвизгнул: «Не подглядывай!», огородил тетрадь руками, как оборонительной стеной. «Чесы» он так и не исправил. И столько уверенности было в его голосе, что я смутилась, засомневалась, пригляделась внимательнее к своим «часам». Они вдруг показались мне каким-то странным, незнакомым словом. И я переправила их на «чесы».

Дома я спросила у бабушки, как правильно, и, услышав ответ, до ночи редела в подушку. В голове то и дело вспыхивали Трошины ужасные каракули и ошибка, заразившая мою пятерочную тетрадь.

Учительница качала головой: «Ну что же ты, Вера, с правильного на неправильное? Зачем ты посмотрела в чужую работу?»

... – Ну что, Вер, готова? – ухмыльнулся Троша и по-партнерски похлопал меня по плечу. Его ладонь была тяжелая и твердая, как у каменной статуи.

Я решила не отвечать. Он положил острые локти, которые часто приставлял к чьей-нибудь шее, на парту и уточнил:

– Ничего же не задавали?

– «Песню о Соколе», – нехотя отозвалась я.

– Понятненько. – Он помолчал и спросил: – О чем там хоть?

– «Рожденный ползать – летать не может», – пробормотала я, чтобы он отвязался.

– Дэ-э-э, опять какая-то муть! – Троша изобразил страдание, схватил меня своими железными клешнями и стал трясти, приговаривая в такт: – Вера! Я замаялся уже!

Мальчишки сзади засмеялись, и Троша, получив дозу одобрения, отпустил меня. Но я знала, что ненадолго.

Наконец появилась Ирина Борисовна. Первые десять минут урока Троша, как всегда, вел себя спокойно: слушал про Горького и героический романтизм, что-то переспрашивал и внимательно кивал. В общем, демонстрировал интерес, чтобы не придирались потом, что он якобы ничего не делает на уроке.

Тем не менее с каждой минутой мне становилось все тревожнее: скоро эта игра ему надоест и он примется за меня.

Решив, что достаточно поучаствовал в изучении поэмы, Троша погрузился в телефон. Замечаний ему уже давно не делали – лишь бы молчал и не срывал урок. Он был как пороховая бочка, которую старались, по возможности, не трогать.

Когда и телефон ему надоел, он нагло выдрал из моей тетради листок и, хихикая, стал что-то корябать. Через минуту скомканная записка тукнула меня в висок и упала на скрещенные колени. Троша и несколько мальчишек сдавленно хохотнули.

Троша потянулся за запиской:

– Ой, смотри, куда закатилась...

Я быстро схватила комок и зажала в кулаке.

– Читай, – шепнул Троша. – Это я тебе написал.

– Спасибо, не надо.

– Ну давай! – Мерзкая улыбочка дернула его губы.

– Мне неинтересно.

Он как будто обиделся:

– Да ничего там такого нет, вот ты... – И отвернулся.

Я знала, что нельзя поддаваться, это всё три детских завитка у него на лбу и честные голубые глаза, которым всегда удается тебя провести. Но внутри появилась какая-то заноза: а вдруг там и правда ничего такого? Может, он именно сегодня решил побыть нормальным? Ведь бывали такие дни, редко, но все же. И я развернула.

«Какого цвета у тебя трусики?»

Троша захрюкал от смеха. Костя и Дима прочитали записку через мое плечо и тоже принялись давиться хохотом, как макаронами в начальной школе. Они весь второй класс ели их на скорость да еще у Степкина отбирали.

Я смяла записку и страдальчески посмотрела на Ирину Борисовну. Хоть бы отсадила его куда-нибудь!

Видно было, что она волновалась – не из-за нее ли это, не скучно ли она рассказывает. Она не умела повышать голос и попросила с виноватой вежливостью:

– Троша, мальчики, не отвлекайтесь, пожалуйста, послушайте...

– Ага. – Троша посидел спокойно тридцать секунд и снова наклонился ко мне: – Пойдешь в кино?

– Нет.

– Почему?

– Почему? Даже не знаю!

– Нет, ну правда, почему? – Опять этот серьезный честный взгляд. И тут же: – Ну какого они у тебя цвета? Скажи, чо ты!

С каждым годом он становился все хуже, и когда казалось, что хуже уже некуда, он придумывал новую выходку. В третьем классе я носила зубную пластинку и после обеда бежала в туалет, чтобы незаметно промыть ее. А мальчишки во главе с Трошей врывались вслед за мной и вопили: «Смотрите, она челюсть вытаскивает!»

В четвертом классе я нравилась Коле Савельеву. Моя бабушка называла его «хорошим мальчиком». И я навсегда запомнила его как «Колю-Хорошего-Мальчика». Почему-то его всегда было ужасно жалко. Он носил очки и учился играть на скрипке. Мы однажды выступали дуэтом. Я аккомпанировала ему на фортепиано, и он так разволновался, что сбился, но я сумела подхватить и после этого очень собой гордилась. Малиновый от неловкости Коля с трудом довел партию до конца и в слезах бросился за кулисы.

Однажды Коля положил мне в шкафчик мандарин и записку: «Вера, если хочешь со мной дружить, позвони по этому телефону». Только подписаться забыл. А Троша отобрал у меня записку и пошел трясти всех мальчишек по очереди – выбивать признание. Все, конечно, отне-

кивались, а про Колю он почему-то и не подумал. Коля, видя, как мучают других из-за него, взял и признался.

Троша не стал его бить. Но очень громко над ним смеялся. Казалось, что он может даже убить этим смехом, если немного перестарается. Остальные тут же подключились как зараженные.

Коля съежился и торопливо вышел. Наверное, он опять плакал. Сидел под гулкой лестницей, спрятавшись между башнями стульев. Всю перемену люди бегали у него над головой, и никому не было дела до Савельева. И я тогда ничего не сказала, не пошла его утешать. Он признался на весь класс, а я испугалась. Трошиного смеха испугалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.